

Г.Г. ХАЗАГЕРОВ

ФЕНОМЕН ПРИНУДИТЕЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ТОТАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается тоталитарная практика, при которой каждый публикующийся автор был вынужден включать в материал агитационный момент. Рассматриваются разные стратегии такого включения и его следствия для культуры и языка.

Ключевые слова: Тоталитаризм, пропаганда, советская лексикография.

В коротком радиообращении Джорджа Оруэлла, сделанном в 1941 году [15], и в пространной монографии А.П. Романенко «Советская герменевтика», вышедшей недавно, в 2008 году [16], содержится, безусловно, верное, но нуждающееся в двух существенных дополнениях соображение о тоталитарной культуре. Оруэлл говорит о «позитивной цензуре», при которой вмешательство в литературную деятельность не только носит запретительный характер, но и предполагает необходимость писать определенные вещи. Романенко говорит о «культуре документа», в которой текстовая деятельность, скажем, в области художественной словесности отражает директивы, управляющие общественной жизнью. Таким образом, рассказ или критическая статья, или даже выступление на научной сессии должны были содержать в себе нечто обязательное. К этому следует добавить два соображения.

Соображение первое. Содержание текста, директивно заданное и в свою очередь представляющее собой директиву для читателей, в тоталитарной культуре реализуется в самых разных жанрах и на фоне самой разной тематики. Большинство этих жанров и тем не соответствуют предписанию ни по форме, ни по содержанию. В результате складывается довольно уникальная картина. Известные в практике мировой литературы жанры приобретают своеобразный вид, сближающий их со средневековыми поучениями

Хазагеров Георгий Георгиевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета.
Адрес: 344006, Ростов-на-Дону, ул. Чехова, 13, кв. 16.
Электронная почта: khazagerov@gmail.com
Сайт: khazagerov.com

или книгами для детей, словом, сдвигаются в сторону дидактики. Например, такие жанры, как рассказ, энциклопедическая статья или журнальная статья по вопросам архитектуры сами по себе не предполагают активной пропаганды официальной идеологии, а работа по теме древнерусской литературы совершенно не нуждается в экспликации марксизма-ленинизма. Тем не менее во всех этих жанрах отражалось то, что и должно было отражаться, что зачастую превращало основной текст в повод для пропаганды. Говоря метафорически, пропаганда могла выесть изнутри содержание и оставить одну оболочку научной статьи или художественного произведения. Это почти всегда вело к манипулированию общественным сознанием, то есть к такому речевому воздействию, когда открыто постулировалось одно (например, подача объективной научной информации в энциклопедической статье), а скрыто и бездоказательно — как нечто само собой разумеющееся — навязывалось другое¹. Ниже мы подробнее рассмотрим примеры манипулирования, а сейчас лишь подчеркнем, что в процесс манипуляции было втянуто все пишущее сообщество.

Соображение второе. Многие авторы, получившие допуск в публичное пространство, стремились минимизировать принудительное содержание, причем не обязательно из протестных соображений, но в целях спасения собственного текста, в идеале — сохранения для него нормальных жанровых признаков. Иными словами, авторы пытались дистанцироваться от своеобразного тоталитарного инфантилизма, в результате чего возникла целая стратегия инкапсулирования дежурных цитат, делающая минимальной связь пропаганды с основным телом текста. В свою очередь и у читателей складывались свои стратегии чтения: например, выборочное отношение к ссылкам; у них формировалось особое чутье на авторов, позволявшее безошибочно распознавать тех, у кого содержательная сторона превалирует над пропагандой, и тех, для кого содержание произведения только повод лишний раз повторить обязательные общие места.

В настоящей статье феномен вынужденного манипулирования и скрытого сопротивления ему рассмотрен главным образом на примере словарных и справочных текстов. Наша цель — во-первых, продемонстрировать, что подобная речевая стратегия ведет к вырождению жанров, в итоге приобретающих архаичные и инфантильные черты; во-вторых, показать пагубные последствия

¹ Нами приведено стандартное определение манипулирования, принятое в лингвистике; см. обзор точек зрения: [4].

для нашей культуры вынужденного манипулирования, которое использовалось на протяжении всего советского периода. Было бы крайне наивно полагать, что такое масштабное и всеобъемлющее явление культуры, как порча и насильственная архаизация практически всех жанров письменной речи, может пройти бесследно.

Архаизация словарных толкований как черта советской лексикографии

Чтобы отталкиваться от архаичных приемов построения словарного текста, вспомним такой показательный памятник средневековой литературы, как «Физиолог» [2]. В этой книге, как известно, сообщаются сведения о животных, но истинным ее содержанием являются христианские поучения, а статьи о животных — всего лишь повод к их развертыванию.

Три свойства [естества] имеет лев. Когда львица родит, то приносит мертвого и слепого детеныша, сидит она и сторожит его до трех дней. Через три же дня приходит лев, дунет ему в ноздри, и детеныш оживет. То же и с верными народами. До крещения они мертвы, а после крещения очищаются Святым Духом.

Второе свойство льва. Когда спит, то глаза его бодрствуют. Так и Господь наш говорит иудеям: «Я сплю, а глаза мои божественные и сердце бодрствуют».

А третье свойство льва, — когда львица бежит, то следы свои замечает своим хвостом, и охотник не может отыскать ее следов.

Так и ты, человек. Когда творишь милостыню, то пусть левая рука не знает, что делает твоя правая. Да не помешает дьявол делам помысла твоего.

(Пер. О.А. Белобровой)².

Вместо обычного описания льва и рассказа о его среде обитания, привычках, пище и естественных врагах мы видим, что в основе текста лежат «естества», то есть топоры, аспекты, в которых лев может быть интересен автору.

В толкованиях слов, связанных с электричеством, в словарях советского периода, в том числе в словарях поздних, обращает на себя внимание один факт. Иллюстрации к словарным статьям вращаются вокруг сельской темы, о чем мне уже случалось писать:

Провели в коровник и электрическую сеть, но тока пока не было (Лаптев «Заря»).

² Текст приводится по древнерусскому списку XVI в., относящемуся к редакции Византийского Физиолога, см.: (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4967>).

Завезенные столбы для полевых электролиний были сложены на площади (Бабаевский «Свет над землей»).

В прошлом году здесь была голая степь. А вон там мачта электропередачи (Крымов «Инженер»).

Приезжаем на склад электрооборудования: дайте роликов, проводов, двигателей вне очереди для отстающего колхоза (Николаева «Жатва»).

Окончена электростройка, И ток получает колхоз (Грибачев «У сердца»).

Колхозные дела шли понемногу на лад: электрифицировали фермы, запасались удобрениями, выполняли план лесозаготовок (Николаева «Жатва»).

[Василий] видел — и горы зерна, и новенький ладный и светлый ток посреди колхозных полей. Это был не просто ток, а электрифицированный (Николаева «Жатва»).

[17].

В последнем примере возникает даже непреднамеренный каламбур, затемняющий смысл, и все же он включен в словарную статью.

Для советского человека это загадочное притяжение двух тем объясняется просто. Электричество имело вполне определенное «естество», то есть ценный с точки зрения пропаганды аспект: оно применялось там, где его не было при царе, поэтому считалось особенно важным показать электрификацию деревни и сельского хозяйства. Нашу догадку подтверждает словник словаря, изданного не в 1940-е, а в 1980-е годы. Например, в нем отсутствуют слова *электрогитара*, *электрошок*, но зато есть *электродоение* и *электродойка*. А в однотомном толковом словаре, рассчитанном на компактность, есть слово *электроплуг*. Правда, словарные иллюстрации ограничиваются короткими контекстами, но и в них присутствует сельская тема.

Ту же функцию, какую в толковых словарях выполнял словник, в энциклопедических словарях выполняет объем толкования. Одни явления и личности удастаиваются короткого описания, другие пространныго. В норме это должно было корреспондировать со сложностью или простотой материала. Кроме того, объем статьи мог быть связан с местом, занимаемым данным явлением в мировой культуре, другими словами, с его априорной значимостью. Однако в советских словарях значимость часто декларировалась объемом статьи. В энциклопедическом трехтомном словаре 1953–1955 годов Менделю посвящено пять строчек, и это как-то можно понять в свете борьбы с «менделизмом», но вот революционеру Мясникову, отведено в два раза больше места, чем композитору

Мясоедову и ученому Нансену. Но еще больше места заслужил китайский композитор, коммунист и активный участник революционного движения Не Эр [19]. Много места нужно там, где есть возможность показать «естество». Любопытно отметить, что диспропорции в объеме толкований в энциклопедических словарях нарастали медленно, поскольку до войны статьи писали «буржуазные специалисты». Пик диспропорции и нравоучительности пришелся на начало 1950-х годов.

В «Большой советской энциклопедии», изданной под редакцией О.Ю. Шмидта, в 6 томе (1927) есть пространная статья, посвященная философу А.А. Богданову и подписанная Н. Каревым, в которой Богданов охарактеризован как медик по образованию, философ, социолог и экономист [5, т. 6, с. 574–582]. В «Энциклопедическом словаре» 1953 года о Богданове написано очень коротко: «русский ревизионист». Статья «Бог» в «Большой советской энциклопедии» написана с атеистических позиций, что и не скрывается, и имеет вид, обычный для философских статей подобного рода. В трехтомном словаре в такой статье сказано: «Мифическое, выдуманное существо, основное понятие всякого религиозного мировоззрения. Б., указывает В.И. Ленин, есть “прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепощающих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу”. Ликвидация религиозных пережитков и главного из них — веры в Б. — составляет одну из задач коммунистического воспитания трудящихся» [19]. Классовая борьба — одно из важнейших общих мест, а философия для автора несущественна. В этом же словаре об Александре Блоке сказано: «С первых дней великой Октябрьской социалистической революции Блок встал на сторону восставшего народа». В «Большой советской энциклопедии» упоминается лишь эволюция его творчества, но отмечается гениальность поэмы «Двенадцать». При длительном чтении обоих словарей складывается впечатление, что энциклопедия 1927 года создавалась для взрослых, а статьи в трехтомный энциклопедический словарь писались для детей.

Принято говорить об оценочности советских словарей, что невольно приводит к вопросу: должен ли и может ли словарь содержать оценки. На самом деле эта категория не играет определяющей роли. Е. Добренко, рассуждая о советской критике с точки зрения ценностной системы, приходит к справедливому выводу: «Искусство и критика обретают новые функции — ничего не генерируя, они лишь передают: доводят до сознания то, что на языке

постановлений доводилось до сведения» [8, с. 31–32]. Дело вовсе не в ценностной системе, а в том, что культурные институты, функционируя несвойственным им образом, «оживляют» архаичные формы культуры. На уровне текстов это означает насилие над сложившимися к началу XX века жанрами письменной речи, расподобление внутри тоталитарной культуры классических жанров, причем продолжавших носить те же названия, что и жанры вне этой культуры. Это порождает не разницу в системе оценок, а изоляционизм на синхронном срезе и непонимание текстов прошлого в диахроническом плане. С последним явлением нам не раз приходилось сталкиваться в студенческой аудитории, когда коммуникативные неудачи при прочтении советских текстов объяснялись не низкой языковой компетенцией студентов, а отсутствием разработанной советской герменевтики, без которой тексты нашего прошлого не могут быть поняты адекватно.

Здесь уместно перейти к словарным дефинициям. Не только дескрипции энциклопедических словарей, но и дефиниции словарей толковых испытали давление «естеств», то есть общих мест, что делает некоторые из статей не столько оценочными, сколько манипулятивными и затемняющими смысл. Это легко показать на определении слова *либерализм*, данного в четырехтомном словаре русского языка (1985–1987). Первое значение выглядит следующим образом: «Буржуазное идеологическое и общественно-политическое течение, отстаивающее свободу буржуазии в феодально-крепостническую эпоху и в эпоху буржуазных революций и ставшее реакционным с установлением ее политического господства» [17, т. 2]. При желании, можно назвать такой текст оценочным, но суть в другом: вместо словарной статьи мы читаем политграмму, а это уже совсем другая тема. «Естество» состоит в том, что течения мысли имеют классовый характер, но это положение не доказывается, а подается как само собой разумеющееся с помощью намеренного сужения родового понятия. Во втором значении *либерализм* получает синонимическое толкование в виде двух слов: «Свободомыслие, вольнодумство» и пометку «устар», для обоснования которой и введен второй синоним. Третье значение описывается совсем кратко: «Излишняя снисходительность и вредное попустительство». Соответственно *либерал* («разг») — тот, «кто либеральничает, занимается вредным попустительством», что, как понимает читатель, не забывший русского языка, явно сужает значение.

В студенческой аудитории коммуникативные неудачи случаются именно с поздними словарями, где оказавшаяся «за кадром»

информация остается незаметной. Например, такое чисто советское явление, как толкование слова *самокритика*, оказывается совершенно непонятным молодому поколению. За невнятным словом *лжеучение* также открываются неведомые студенту горизонты. Создается впечатление, что в поздних словарях советского периода не было выдержано общей меры для введения политграмоты, и от этого степень их неадекватности и закрытости не только не убывала, а напротив, возросла. В четырехтомном словаре русского языка — в томе, увидевшем свет в 1986 году, — значение слова *космополитизм* дается таким образом: «Реакционная буржуазная идеология, проповедующая отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицающая государственный и национальный суверенитет и выдвигающая идеи “мирового государства” и “мирового гражданства”» [17, т. 2]. В словаре 1954 года *космополитизм* представлял собой следующее: «В современных условиях агрессивный американский империализм пытается использовать лживую идеологию космополитизма для морального разрушения народов и установления своего мирового господства. Космополитизм является оборотной стороной и маскировкой агрессивного буржуазного национализма» [19]. В этом же словаре *национализм* подавался как «отравленное оружие империалистической реакции» [там же], а уже в четырехтомном словаре русского языка, в 1986 году, *национализм* становится «реакционной буржуазной и мелкобуржуазной идеологией и политикой» и неожиданно приобретает второе значение как «национальное движение в поработанных странах».

Несмотря на то, что на ниве советской лексикографии самоотверженно трудились настоящие профессионалы, оставленное ими словарное наследие представляет собой продукт полураспада архаичного словаря; среди добротных толкований можно неожиданно наткнуться на манипулирование, а банк иллюстраций тянет словарь в прошлое, не до конца понимаемое современным читателем. Культура мстит за насилие над собой.

Фреймы инфантильной культуры в биографических текстах

Фрейм и общее место — два способа упростить распознавание содержания высказывания. Идея фрейма была сформулирована Марвином Мински именно в контексте распознавания образов [14]. Фрейм сегментирует объект, задавая рамку в пространстве и во времени (в этом случае иногда говорят о сценарии). Лингвистический фрейм к тому же сегментирует и сам текст. Общее место

рамки не задает и по природе своей является суперсегментным, накладываемым на любой сегмент текста. Наступление ясности, ради которого Аристотель и ввел топосы как часть убеждающей речи, наступает благодаря узнаванию знакомого мыслительного хода. В совокупности общее место и фрейм усиливают избыточность текста. С одной стороны, жанр сонета задает композиционно-смысловую рамку текста, формируя читательские ожидания. Благодаря ей мы легко узнаем сонет не только по форме, но и по антитетическому развитию мысли. С другой стороны, любовная жалоба является общим местом, знакомым читателю по многим лирическим стихотворениям. Если в основе сонета лежит любовная жалоба, узнавание облегчается вдвойне.

Чем чаще сегментация фреймовой рамки и беднее система общих мест, тем предсказуемей становится текст. В пределе это дает ритуальную, застывшую форму, в которой слоты фрейма заполняются из минимального запаса общих мест. Идеальна такая ситуация для тех алгоритмов, когда надо сузить и стандартизировать поиск, как в словесном портрете в криминалистике, и для тех случаев, когда реальная и языковая компетенции реципиента достаточно малы, как в ситуации с детской сказкой. В сказке о репке, например, реализуется общее место: «в объединенных усилиях важен даже слабый участник». При этом языковым фреймом служит нисходящая градация с повтором предыдущих элементов, классический антиклимакс, как это называлось у древних греков. Если к этому добавить очень ограниченный набор персонажей, которые могут встретиться в поле бытовой сказки, станет очевидно, что перед нами схема с огромной степенью избыточности.

Всякая пропаганда, как известно, основана на итеративности, частой повторяемости общих мест. Эта очевидная мысль затемняет другую сторону медали — всякая пропаганда оперирует относительно малым числом общих мест. Обычно это искупается тем, что пропаганда не носит тотального характера. Примером тому служит коммерческая реклама или политическая реклама в условиях конкуренции. Но при тотальной пропаганде бедный набор общих мест, проникая во все сферы публичного слова, ведет к упрощению словесности, которая начинает приобретать инфантильный характер. В какой-то степени это было уместно во времена ликбеза, но та эпоха прошла, а пропагандистские приемы остались. Даже в текстах, рассчитанных на детей, бедность общих мест, однообразие пропаганды переходила всякую меру. Так, в «Родной речи», изданной в 1959 году, с удивительным постоянством на протяжении всей книги реализуется одно общее место — «раньше и теперь» — до революции жилось плохо, сейчас живется

хорошо [18]. Этой мысли подчинен и выбор литературного материала, и вопросы к этому материалу, и сведения о писателях, и даже парные иллюстрации на тему «раньше и теперь». В свое время автору пришлось организовывать встречу школьников с женщиной-ветераном пионерской организации. Выступая перед пятнадцатилетними подростками, она сказала буквально следующее: «При Романовых в России были только дворцы и тюрьмы». Представление о зрелости реципиента речи неизменно занижалось пропагандистами.

Биография сама по себе тяготеет к фреймовой структуре с такими слотами, как происхождение, воспитание и образование, главные вехи жизни, окончание жизненного пути. Если подходить к биографии с запасом готовых общих мест, слоты этого фрейма оказываются заполненными практически априори. В «Энциклопедии русской жизни» (1987), имеющей подзаголовок «Рекомендательный библиографический справочник», слот происхождения использовался для реализации общего мест «талантливые низы — развращенные верхи». В биографиях писателей, которые происходили из низших слоев общества, или когда их происхождение можно было интерпретировать таким образом, — слот оказывался заполненным. Если такая интерпретация была невозможна, реализовался топос «бедные и богатые»: например, «из обедневшего дворянского рода». В тех случаях, когда реализовать общие места было невозможно, слот попросту не заполнялся: М.Д. Чулков («вышедший из низов»), Д.И. Фонвизин («сын небогатого служилого дворянина»), В.А. Лёвшин (происхождение отсутствует, но его любили «читатели-простолюдины») [20]. Впрочем, из «Краткой литературной энциклопедии» (1967) мы все-таки узнаем, что Лёвшин родился в «небогатой дворянской семье». Однако здесь его уже не любят простолюдины, так как он пришел «к верноподданническому национализму начала 19 в», [12, с. 90]. Повидимому, в те годы в текст просились иные штампы, но данный пример интересен и сам по себе, даже с точки зрения синтаксиса.

Другое общее место состояло в том, что писатели ненавидели существующий строй. В тех случаях, когда это положение никак не подверстывалось к писательской биографии, спасал аналог «бедности дворянина» — реалистический метод. И на этом рубеже авторы держались стойко. Например, граф А.К. Толстой (о происхождении не сказано ничего) в повести «Упырь» «выступает против гнета, зла и своеволия» (носителем своеволия в повести выступает бабушка героини, ставшая упырем), а сама повесть о вурдалаках «заключена в сугубо реалистические рамки». Всех

дореволюционных литераторов отличало общее качество: они были непримиримыми («непримиримо относились к произволу и жестокости господствующих верхов», испытывали «непримиримую вражду к крепостническому укладу», были «непримиримыми обвинителями социального неустройства действительности», «непримиримыми обличителями буржуазного общества с его хищническими законами»).

Сказанное, конечно, не является свойством выбранной нами рекомендательной библиографии. Например, в «Краткой литературной энциклопедии» о происхождении какого-нибудь писателя могли сказать, что он сын дьячка (не дьякона), или встречался такой удивительный эвфемизм, как «погиб в результате нарушения социалистической законности» [12]. Погружение в чтение биографических сведений переносит нас в упрощенный мир детской сказки, где все дореволюционные писатели выступали то зрелыми, то незрелыми предшественниками революции, своего рода недобольшевиками. Заниженное представление о реципиенте пропаганды — вот суммарное впечатление, которое может вынести из этого современный читатель. Если это так, то не надо далеко ходить, чтобы обнаружить истоки постсоветского пиара. Представление «пипл схавает» было подготовлено прошлым социальным опытом, правда, неверно истолкованным. Авторы упрощений шли на них вынуждено и искали лазейки, чтобы сделать свои тексты содержательными, чтобы вернуть жанру его законные права. Впрочем, делали это далеко не все.

«Классики и первоисточники» — культура цитации

Логика упоминания архаичных моделей словаря и инфантилизации пропаганды заставляет вспомнить об амбивалентности, свойственной архаичному фольклору и, как показывают новейшие исследования, фольклору детскому [13]. Литературовед Г.А. Белая в своих лекциях специально уделяет внимание феномену амбивалентности советской литературы [3].

Однако мы будем говорить не о художественном слове, где вопрос об амбивалентности сложнее, а ее появление естественней, а о научно-образовательном дискурсе. Амбивалентность, как известно, на эмоциональном уровне означает двойственность отношения к предмету, а на интеллектуальном — нечувствительность к логическим противоречиям. Критикуя «нулевые годы», современный публицист пишет: «Все это приметы сборки нового абсолютизма, поставившего на амбивалентность и гибридность [1]. Возможно, речь должна идти не столько о «ставке» сколько о

наследии. Ниже я коснусь лишь маленькой и специфичной его части — амбивалентности цитат.

Культура принудительной цитации и конспектирования «первоисточников», то есть классиков марксизма-ленинизма, породила двойственное отношение к цитируемому и у самих цитирующих, и у читающих. Большинство образованных людей считало все эти цитаты малоценными. Однако прямое и сознательное отвержение истин советского катехизиса было вплоть до поздних времен явлением не типичным. Это порождало особый, школярский, юмор, когда фраза «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» произносилась в неофициальной обстановке с улыбкой. Можно даже сказать, что большинство расхожих цитат воспринималось, по крайней мере в поздние времена, как источник смешного, своего рода собрание шуток. Здесь уместно вспомнить о бахтинском карнавале. Правда, следует отметить, что карнавал занимает выделенную позицию (аналог — студенческий КВН шестидесятых годов), а юмор школяров ограничен школьным возрастом. В то же время советские люди оставались своеобразными школярами марксизма на всю жизнь и даже сегодня демонстрируют двойственное отношение к фразеологии своей молодости. Об этом свидетельствует появление сайта «Ваши любимые цитаты классиков марксизма-ленинизма» [7]. Существует и более серьезный сайт, где собрание цитат предваряется следующим высказыванием: «...Коллекция цитат формировалась в библиотеке на протяжении нескольких десятилетий и носит отпечаток идеологической атмосферы тех времен. Другими словами, цитаты из соответствующего классика марксизма-ленинизма подбирались применительно к задачам того или иного момента. Именно это и делает данную коллекцию историческим документом советской эпохи. С 1990 г. коллекция цитат не пополняется» [11].

В советском дискурсе существовали обязательные цитаты отраслевого характера: например, для языковедов — «Язык так же древен, как и сознание» (Маркс); для работников почты — «Без почт и телеграфов социализм — пустейшая фраза» (Ленин). Введение одного из добротнейших учебников древнерусской литературы советского времени начиналось параграфом «Значение культурного наследия. В.И. Ленин о культурном наследии» [9, с. 3]. Автор введения Д.С. Лихачев, которого трудно заподозрить в симпатиях к деятельности Ленина, умело использовал две цитаты из его наследия для обоснования мысли, что культурным наследием пренебрегать не следует. После положенного цитирования академик ни

разу не вспомнил о создателе первого в мире социалистического государства. Это пример инкапсулированной цитаты — прием, на который сознательно шел большой ученый, чтобы отстоять важность своего предмета. Такое явление, однако, характерно в большей степени для довоенных работ, не порвавших с добротными традициями русского научного дискурса. Например, Н.И. Брунов, открывая второй том своих «Очерков по истории архитектуры» (1935), цитирует Энгельса (ничего не значащее высказывание в похвалу древней Греции) [6, с. 13], а уже потом ссылается на труды историков архитектуры. Политграмота в его очерках отсутствует. Следует отметить, что те из довоенных авторов, кто не строил карьеру на политических спекуляциях, стремились инкапсулировать цитаты, максимально оградив от них содержание. Отсюда тактика помещения «главных цитат» на первые страницы. Иная практика складывается в послевоенные годы, когда политграмота начинает размывать содержание энциклопедической информации (пик — начало 1950-х годов), но это положение сохраняется до самого конца советского периода. В «Энциклопедии русской жизни», о которой мы упоминали выше, присутствует та же самая цитата из Ленина, что и в учебнике под редакцией Д.С. Лихачева, правда, в «Энциклопедии» она поддержана фразой из Программы КПСС, а затем цитатой из речи М.С. Горбачева, насильственно притянутой вопреки ее перестроечному пафосу [20, с. 3–5].

В «Краткой литературной энциклопедии», в четвертом томе (1967), содержится пространная статья «Ленин В.И. о литературе», с рубриками, написанными разными авторами: «В.И. Ленин и некоторые вопросы теории литературы»; «В.И. Ленин и русская литература 19 — начала 20 веков»; «В.И. Ленин и советская литература»; «В.И. Ленин о зарубежной литературе». В целом это можно понять, поскольку предметом ленинских статей была литература. Однако в книге встречаются довольно экзотические для соответствующего жанра пассажи вроде: «Одним из любимых произведений Л. была философ. драма И.В. Гете “Фауст”. К практике рабочего движения Л. применил афоризм из этой драмы: “Теория мой друг сера, но зелено вечное древо жизни» [12, с. 125]. Было бы странно увидеть в энциклопедии цирка статью «Ницше и канатный плясун». В солидном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) и являющимся, по-видимому, лучшим подобным изданием на русском языке, есть специальная статья «Ленин В.И. о языке», которая заметно контрастирует с другими специальными статьями словаря. В ней сообщается, что «Ленин боролся против

псевдореволюционных, “левых” фраз, поскольку пустые и бессодержательные революционные фразы, революционное краснбайство мешает практич. борьбе, замазывает дело фразами» [10, с. 264]. Мог ли серьезный ученый интересоваться подобными сведениями? Очевидно, они нужны были лишь для того, чтобы в свою очередь привести эту цитату в каком-нибудь курсе лекций или статье, «отчитавшись» в выполнении обязательной программы. Однако такие «отчеты» являлись авторской уловкой и для самой идеологии были контрпродуктивны.

Воспринимать все это всерьез образованному человеку было трудно, а «всерьез» смеяться над этим было уделом лишь тех, кто имел ясное понимание о несостоятельности тоталитарной культуры как таковой. Эрозии подвергался модус высказывания: хорошо это или плохо, правда это или неправда, шутка эта или не шутка.

Наличие обширной зоны высказываний с непроясненным интеллектуально-моральным статусом — тяжелый груз для культуры, и можно предположить, что наследие этого груза мы ощущаем до сих пор. Этим, в частности, объясняется нечувствительность к эклектике — социальное явление, которое трудно измерить, но которое явственно ощущается.

Культура цитат-уловок и в наши дни продолжает свое успешное существование в научном дискурсе. Думается, что излишние цитаты и навязчивое повторение ключевых слов, характерные для научной моды, определенным образом корреспондирует с нашим научным прошлым. Наш опыт работы в диссертационном совете позволяет сделать предположение о распространении интеллектуальной амбивалентности по отношению к научным концепциям, что иногда проявляется в прямом алогизме. Игра с цитацией, резонирующая с постмодернизмом и гипертекстовым представлением знаний, — вещь не безобидная. Она расшатывает логику и, в частности, логику последовательного изложения мысли. Ведь цитирование советского периода, стратегию которого бессознательно или сознательно усвоили многие авторы, — это почти всегда петляние мысли. Такие цитаты, если их не инкапсулировать, легко становятся каналами, по которым в текст попадают чуждые ему темы и понятия.

Выводы

Чтобы понять советскую культуру и ее влияние на сегодняшнюю жизнь, надо покинуть плоскость аксиологии, ибо, во-первых, споры о ценностях можно длить вечно, во-вторых, дело не в ценностях тогдашней официальной идеологии, а в практиках

ее внедрения. В отношении письменной культуры эти практики состояли в беспрецедентной по масштабу переделке словесности, изящной, научной и любой другой, при которой самые разные жанры выполняли одну и ту же пропагандистскую функцию в ущерб собственной природе. Это породило инфантилизацию печатной культуры и целый букет читательских девиаций: от амбивалентности и нечувствительности к противоречиям до криптомании и поисков скрытых смыслов. То же можно сказать и об авторах, которые в течение десятилетий упражнялись: одни — в сервильизме, другие — в изощренном лавировании, перед которым меркнет «эзопов язык» позапрошлого века. Последнее вполне понятно в свете отличия старой цензуры от цензуры позитивной, о которой говорил Оруэлл в своем радиобращении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашкеров А.* Реквием по нулевым. 2010: итоги, прогнозы // Русский журнал. 2010, 21 декабря [электронный ресурс]. Дата обращения 15.05.2013. URL: <<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rekviem-po-nulevym>>.
2. *Белоброва О.А.* Физиолог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI – первая половина XIV в. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 461–462.
3. *Белая Г.А.* История русской литературы XX века [электронный ресурс]. Дата обращения 15.05.2013. URL: <<http://www.iek.edu.ru/progs/pgbela1.htm>>.
4. *Беляева И.В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
5. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. В 65 томах. 1-е изд. М.: Акц. общество «Советская энциклопедия», 1925–1948; Т. 6, 1927.
6. *Брунов Н.И.* Очерки по истории архитектуры. Т. 2. М.-Л.: Academia, 1935.
7. Ваши любимые цитаты классиков марксизма-ленинизма [электронный ресурс]. Дата обращения 15.05.2013. URL: <<http://www.amurkprf.ru/blogs/kommunizm/vashi-lubimie-tsitati-klassikov-marksizma-leninizma.html>>.
8. *Добренко Е.* «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм) // Вопросы литературы, 1993. Вып. 1. С. 28–61.
9. История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1980.
10. *Кодухов В.И.* Ленин В.И. о языке // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

11. Коллекция цитат из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина [электронный ресурс]. Дата обращения 15.05.2013. URL: <<http://www.gopb.ru/Cit/Cit.php>>.
12. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4.
13. *Кучегура Л.А.* Специфика смеха в современном детском стихотворном фольклоре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2000 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.05.2013. URL: <<http://www.dissercat.com/content/spetsifika-smekha-v-sovremennom-detskom-stikhotvornom-folklore>>.
14. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Пер. с англ., под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Мир, 1979.
15. *Оруэлл Дж.* Литература и тоталитаризм / Пер. с англ. А. Зверева // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Вспоминая войну. Подавление литературы. Писатели и Левиафан / Сост. В.С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989.
16. *Романенко А.П.* Советская герменевтика. Саратов: ИЦ «Наука», 2008.
17. Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1987.
18. *Хазагерв Г.Г., Ульянова Т.В.* Опыт риторического портрета хрестоматии: «Родная речь», 1959 // IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2010.
19. Энциклопедический словарь. В 3-х т. / Гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Большая советская энциклопедия, 1953–1955.
20. Энциклопедия русской жизни. Роман и повесть в России второй половины XVIII – начала XIX века. Рекомендательный библиографический справочник / Под науч. ред. В.И. Кулешова. М.: Книжная палата, 1988.